

Обстоятельства дела

В январе 2003 г. президент Молдавии выступил с обращением, в котором он подчеркнул необходимость борьбы с коррупцией и призвал сотрудников правоохранительных органов не поддаваться неправомерному давлению со стороны публичных должностных лиц. Обращение президента было освещено в средствах массовой информации. Несколько дней спустя заявитель, который возглавлял пресс-службу Генеральной прокуратуры, передал два письма, полученные этим ведомством, национальной газете. Письма не были отмечены как конфиденциальные.

Первое содержало обращение заместителя спикера парламента к генеральному прокурору с приложением письма четырех полицейских, которые хотели заручиться поддержкой прокуратуры после того, как им были предъявлены обвинения в незаконном лишении свободы и жестоком обращении с заключенными. Обращение содержало критику в отношении генеральной прокуратуры и положительно характеризовало полицейских, называя их «одним из лучших отделов» в министерстве. Оно заканчивалось просьбой заместителя спикера к генеральному прокурору «принять личное участие в деле и разрешить его в строгом соответствии с законом». Во втором письме, адресованном заместителем министра заместителю генерального прокурора, указывалось, что один из полицейских ранее был осужден за насилие в отношении заключенных, но затем амнистирован.

После получения писем газета опубликовала статью об антикоррупционной кампании президента, в которой было отмечено, что злоупотребление

должностным положением широко распространено в Молдавии. В качестве примера газета привела явные попытки заместителя спикера защитить четырех полицейских и напечатала копии двух писем. Заявитель впоследствии признал, что именно он передал письма в газету, но утверждал, что сделал это в контексте антикоррупционной кампании президента с целью создания положительного образа прокуратуры, и эти письма не были конфиденциальными. Однако он был уволен за самоуправство и раскрытие предположительно секретных документов. Он безрезультатно обращался в гражданские суды с требованием о восстановлении на работе.

Вопросы права

Европейский Суд ранее не рассматривал дела, в которых гражданский служащий допускал публичное разглашение внутренней информации. Суд отмечает, что гражданские служащие могут при исполнении своих обязанностей получать внутреннюю, включая секретную, информацию, разглашение или публикация которой отвечают значительному всеобщему интересу. Сообщение гражданским служащим или работником государственного сектора о незаконных действиях или злоупотреблениях на рабочем месте должно, таким образом, при определенных обстоятельствах пользоваться защитой, например, когда гражданский служащий или работник является единственным лицом или частью небольшой группы лиц, осведомленных о происшедшем и потому имеющих возможность действовать. В таких случаях раскрытие должно осуществляться в первую очередь руководителю или иному компетентному лицу или органу. При условии, что это совершенно неосуществимо, информация в крайнем случае может быть раскрыта обществу.

Различные факторы должны быть приняты во внимание при определении соразмерности вмешательства властей в право гражданского служащего на свободу выражения мнения в таких делах. Первый фактор касается того, имелись ли иные эффективные меры для исправления нарушений. Европейский Суд отмечает, что в свете отсутствия законов или внутренних правил, регулирующих сообщение о нарушениях, заявитель мог обратиться лишь к своим руководителям, и отсутствовала установленная процедура сообщения о таких вопросах. Генеральный прокурор не высказывал намерения отвечать на письмо заместителя спикера, и вместо этого создавалось впечатление, что он попал под политическое давление. При таких обстоятельствах раскрытие информации, включая ее предоставление газете, может быть оправданным.

Второй вопрос заключается в том, имелся ли всеобщий интерес в раскрытии информации. В этом отношении Европейский Суд не убежден, что обращение заместителя спикера к генеральному прокурору имело целью лишь передачу писем полицейских в компетентный орган, и – несмотря на инструкции рассмотреть дело «в строгом соответствии с законом» – нельзя исключить возможность, что на прокуратуру оказывалось давление. Он также отмечает, что президент Молдавии активно выступал против вмешательства политиков в деятельность системы уголовного правосудия, и средства массовой информации Молдавии широко освещали данную тему. Письма, раскрытые заявителем, касались крайне важных для демократического общества вопросов, таких как разделение властей, ненадлежащее поведение высокопоставленного политика и отношение государства-ответчика к насилию в полиции, в информировании о которых общественность имела правомерный интерес. Таким образом, в раскрытии информации имелся всеобщий интерес.

Третий критерий, а именно была ли достоверной разглашенная информация, не оспаривается. Что касается вопроса о том, какой ущерб будет причи-

нен заинтересованному органу власти, Европейский Суд находит, что вопреки невыгодным последствиям раскрытия информации для прокуратуры, всеобщий интерес в предоставлении информации о ненадлежащем давлении и злоупотреблениях в этом учреждении был достаточно важен, чтобы перевесить взятый отдельно интерес поддержания общественного доверия. Что касается вопроса о том, было ли раскрытие информации осуществлено добросовестно, отсутствуют основания полагать, что заявитель действовал под влиянием соображений личной выгоды, имел личное недовольство или иные скрытые мотивы.

Последний фактор, который подлежит рассмотрению для определения соразмерности вмешательства властей, это наказание, примененное к заявителю. Следует отметить, что была избрана самая строгая из возможных санкций, а именно увольнение. В дополнение к негативным последствиям для карьеры заявителя это имело серьезный сдерживающий эффект в отношении гражданских служащих и работников в целом, поскольку дело заявителя привлекло значительное внимание прессы. Столь серьезная мера могла лишь препятствовать сообщению о ненадлежащих действиях и не являлась оправданной.

После оценки всех интересов в рамках настоящего дела Европейский Суд заключает, что вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, в частности в свободу распространения информации, не было «необходимым в демократическом обществе».

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 10 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.